

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. Вейсманъ-Гель

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.

безъ дост. . . . 5 » — »

На полгода 3 » 50 »

На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Фидій. А. Толивіровой. — II. Заколдованное озеро. Nonso. — III. Родя. (Стих.). Петра Вейнберга. — IV. Деревенскій священникъ. Р. Ловягиной.

Ф И Д І Й.

I.

ПРИСТУПАЯ къ біографіи знаменитаго греческаго ваятеля Фидія, который первый вложилъ въ статуи духовную жизнь, я считаю должнымъ бросить хотя бѣглый взглядъ на происхожденіе скульптуры въ Греціи и на тѣхъ людей, которые впервые приложили къ ней руки.

Много лѣтъ поддерживалось мнѣніе, что греки заимствовали скульптуру, какъ и все остальное, у египтянъ. Въ на-

стоящее время археологи думаютъ, что на Грецію вліяли финикійцы. Что Греція въ древніе времена имѣла торговыя сношенія съ Египтомъ и Финикіей, это вѣрно; могло также быть, что въ это время изъ Финикіи была туда завезена какая нибудь грубо сдѣланная статуэтка, но утверждать, что скульптура была занесена въ Грецію именно изъ Финикіи, едва ли возможно.

Греческое искусство, съ самаго начала своего появленія, сразу показало стремленіе къ извѣстному стилю, который не имѣетъ ничего общаго со стилемъ другихъ націй.

Греки ни въ одну изъ эпохъ не были поклонниками идоловъ и фетишей; они никогда не изображали своихъ боговъ, какъ азійскіе народы, съ неестественнымъ количествомъ головъ, ногъ и рукъ.

Созидаая боговъ, греки облекали въ художественныя формы свой собственный народный духъ, ту творческую фантазію народа, которая воплощена въ бессмертныхъ пѣсняхъ Гомера, создававшихъ живые образы боговъ Олимпа. Художникъ, создавая бога, старался отдѣлать отъ него все человѣческое, хотя греки и вѣровали, что человѣкъ созданъ по образу и по подобию Божію. Фидій говоритъ: „Если мы даемъ богамъ человѣческую форму, то это мы дѣлаемъ потому, что не знаемъ лучшей“.

Стремясь достигнуть идеальнаго, греческіе скульпторы, чтобы изобразить бога, пользовались разными моделями, такъ какъ въ одномъ человѣкѣ, служащемъ моделью, они не могли отыскать того, что дало бы имъ возможность создать одинъ цѣлый типъ. Скульпторъ, исполняющій статую бога для храма, по тогдашнимъ понятіямъ грековъ, дѣлалъ благочестивое дѣло.

Благодаря такимъ заботамъ, созданіе греческаго искусства получаетъ нравственное значеніе для всего человѣчества. Греки были первымъ народомъ, который, развиваясь самостоятельно и оставаясь вѣрнымъ своей народности, поднялся на такую высокую степень развитія, что сдѣлался учителемъ для всѣхъ временъ и народовъ. То высокое по-

нятіе, которое греки имѣли о божественномъ, мѣшало имъ изображать на лицахъ своихъ боговъ гнѣвъ или страсть. Напримѣръ, Геркулесь, какъ герой, — изображался у нихъ исполняющимъ трудныя работы, какъ богъ — отдыхающимъ. Изображая Юпитера, греки никогда не придавали ему вида свирѣпости. У грековъ Юпитеръ представлялся человѣкомъ въ полной силѣ, съ величественной осанкой. Онъ изображался различно, стоя и сидя, какъ бы отдыхающимъ отъ побѣдъ. Его обычные атрибуты: орелъ, скиптръ и перуны.

Типъ Юпитера Олимпійскаго, созданный Фидіемъ, признанъ лучшимъ изображеніемъ этого бога. Голова этого Юпитера, найденная въ Артикони, находится въ Ватиканской галлерей въ Римѣ.

О Юпитерѣ Фидія говорили въ Греціи, что онъ прибавилъ новый моментъ къ существующей религіи, потому что величіе произведенія почти равняется самому божеству.

Существуетъ легенда, что самъ властелинъ Олимпа удостоилъ художника своимъ благоволеніемъ: когда Фидій, окончивъ статую, молился въ храмѣ, прося его послать, въ знакъ того что она ему пріятна, знаменіе—внезапно изъ яснаго неба вылетѣла молнія и, черезъ отверстіе въ крышѣ храма, ударила въ землю у самыхъ ногъ художника.

Въ Юпитерѣ Фидій олицетворилъ идею высшаго греческаго божества съ такимъ совершенствомъ, передъ которымъ невольно преклонялся каждый грекъ. До Фидія, ваятели Греціи никогда не давали такого цѣльнаго понятія о божествѣ, какое выражено въ Юпитерѣ Олимпійскомъ.

Къ такимъ же геніальнѣйшимъ произведеніямъ принадлежитъ Апполонъ Бельведерскій, который также находится въ Ватиканскомъ музеѣ. Онъ былъ найденъ въ концѣ XV вѣка близъ древняго Акціума. Эта статуя вмѣщаетъ въ себѣ все: величіе, красоту, правду и необыкновенную тонкость исполненія. Движеніе этого бога сосредоточено съ нѣкоторыми паѳосомъ въ одномъ драматическомъ моментѣ. Его одушев-

ленное лицо повернуто влѣво, наброшенная на плеча хламида откинута назадъ.

Эта статуя была куплена папой Юліемъ II и поставлена въ бельведерскомъ саду. Когда она была найдена, у нея не доставало обѣихъ рукъ, которыя впослѣдствіи и были придѣланы ученикомъ Микель-Анджело.

Судя по чистой и отчетливой работѣ тѣла и по мелкимъ складкамъ, многіе думаютъ, что эта статуя сдѣлана изъ мрамора съ бронзоваго оригинала. Визлеръ предполагаетъ, что статуя Апполона Бельведерскаго исполнена Леохарисомъ.

Въ древнѣйшія времена изображеніе человѣческой фигуры, какъ она встрѣчается въ натурѣ, почти отсутствовало. Что же касается до реальнаго изображенія животныхъ, то оно встрѣчалось довольно часто.

Но скажемъ сначала, въ какомъ видѣ появилась въ Греціи скульптура вообще и кто были ея представители. Первые скульптурныя произведенія были сдѣланы изъ дерева и имѣли видъ настоящихъ куколъ, которыхъ одѣвали въ разныя платья. Эти куклы были съ нераздѣльными ногами, прижатými къ тѣлу руками и закрытыми глазами. Онѣ дѣлались большею частію изъ кедроваго дерева и часто раскрашивались разными красками, имѣющими особое значеніе. Такъ, Бахусъ и его свита окрашивались краснымъ цвѣтомъ, этимъ же цвѣтомъ окрашивался и Меркурій. У Аполлона было вызолочено лицо. Минерва была всегда одѣта во все бѣлое, и въ честь ея въ Аѣинахъ существовалъ даже праздникъ „мытья одежды Минервы“.

Скульптурой изъ дерева занимались цѣлыя семьи, и это ремесло пререходило изъ рода въ родъ. Но греки не долго оставались съ этими безжизненными куклами. Героическій періодъ далъ толчекъ греческой скульптурѣ. И тогда начали появляться статуэткі изъ различныхъ металловъ. У деревянныхъ статуй обнаженные части стали дѣлать изъ мрамора или какого нибудь металла, но онѣ все такъ еще продолжали быть одѣтыми. Такія статуи назывались „акралитами“.

Прогрессъ, сдѣланный въ этомъ отношеніи, преданіе связываетъ съ мифомъ о Дедалѣ, который будто бы первый вложилъ жизнь и движеніе въ мертвыя формы, раздѣлилъ сложенные вмѣстѣ ноги, далъ свободу прижатымъ къ тѣлу рукамъ, открылъ вѣки глазъ. Благодарные современники устраивали въ честь Дедала празднества, и по всѣмъ городамъ Беотіи приносились жертвы.

Критскіе или аѳинскіе скульпторы очень часто называли себя Дедалидами и всѣ безъ исключенія притязали на происхожденіе отъ той же семьи. Это продолжалось очень долго и Сократъ, который, прежде чѣмъ сдѣлаться философомъ, былъ скульпторомъ, слылъ также за Дедала.

Сіонскій горшечникъ Бутабъ въ Коринѣ впервые началъ лѣпку изъ глины, которую и употребилъ для украшенія храмоваго фронтона.

Жившіе въ VI вѣкѣ критскіе художники, Дипенъ и Скиллидъ, пріобрѣли себѣ извѣстность не только своими мраморными изваяніями, но и произведеніями изъ золота и слоновой кости. Дипенъ и Скиллидъ образовали многихъ учениковъ, которые основали школу, имѣвшую свое пребываніе въ Спартѣ.

Отъ упомянутой эпохи, полной неустанной дѣятельности до насъ дошло очень немного памятниковъ. Будучи сдѣланы изъ хрупкаго матеріала, они скоро уничтожились. А тѣ, которые были сдѣланы изъ бронзы и которыхъ находятъ и до сихъ поръ на мѣстахъ, гдѣ процвѣтало древнее греческое искусство, имѣютъ мало художественнаго значенія. И только нѣсколько сохранившихся изваяній изъ камня даютъ намъ понятіе о состояніи искусства въ томъ періодѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ Фидію, я должна упомянуть о трехъ замѣчательныхъ художникахъ-ваятеляхъ: Каламисѣ, Пизагорѣ и Миронѣ.

По мѣсту своей дѣятельности и направленію, Каламисъ можетъ считаться аѳиняниномъ. Онъ былъ искусенъ во всѣхъ родахъ ваянія: работалъ изъ бронзы, мрамора и слоновой

кости; кромѣ этого онъ былъ извѣстенъ какъ замѣчательный чеканщикъ серебряныхъ кубковъ. Изображая въ совершенствѣ лошадей, онъ не могъ освободиться отъ рутинности при изображеніи фигуръ. Изъ его произведеній упоминаются не однѣ статуи божествъ — Юпитера - Аммона, Аполлона, Гермеса, но и героическія изображенія.

Пиѳагоръ, родомъ изъ Регіона въ Великой Греціи, придерживался болѣе строгаго натурализма. Онъ былъ извѣстенъ почти однѣми бронзовыми статуями атлетовъ, которыя отличались замѣчательною отдѣлкою деталей. Римскій писатель Плиній говоритъ о немъ, что онъ первый сталъ изображать нервы и жилы и тщательно другіхъ отдѣлывать волосы.

Третій превосходнѣйшій художникъ Миронъ, родившійся въ городѣ Элевтерахъ, въ Беотіи, жилъ и дѣйствовалъ подобно Каламису, въ Аѣинахъ. Онъ учился вмѣстѣ съ Фидіемъ у Агевада, но былъ старше его. Имя Мирона пользовалось громадною извѣстностью. Почти всѣ его работы были сдѣланы изъ эгинской бронзы. Но между его многочисленными произведеніями называютъ одну деревянную статую Гекаты, одну фигуру изъ мрамора и нѣсколько серебряныхъ вещей. Его дѣятельность была крайне разнообразна: онъ дѣлалъ статуи боговъ, героевъ, атлетовъ и животныхъ. Въ изображеніи животныхъ онъ былъ особенно силенъ.

Изображенная имъ корова стояла въ Аѣинахъ еще во время Цицерона. Она вызвала цѣлыя десятки похвальныхъ надписей. По словамъ эпиграммъ, сдѣланную Мирономъ корову можно было принять за настоящую. Впослѣдствіи эта корова была перенесена въ Римъ и поставлена въ храмъ Мира. Вотъ что говоритъ о ней Гёте: „Левъ хочетъ растерзать эту корову; теленокъ подходитъ сосать ее; остальное стадо собирается вокругъ нея; пастухъ бросаетъ въ нее камнемъ, чтобы заставить ее сойти съ мѣста; онъ бьетъ ее бичемъ, манитъ ее за собой; земледѣлецъ собирается пахать на ней землю, воръ хочетъ ее украсть; оса садится на нее, даже самъ Миронъ не отличаетъ ее отъ коровъ своего стада.“

Изъ выше сказаннаго видно, что отличительною чертою таланта Мирона была живая дѣйствительность, самая глубокая жизненная правда. Лучшею изъ его статуй считается „метатель диска.“ По этой фигурѣ, прекрасная копія съ которой находится въ Римѣ, въ Палаццо Массими, можно судить, до чего достигло греческое искусство этой эпохи. Ему, при превосходно исполненномъ человѣческомъ тѣлѣ и движеніи, не доставало только той внутренней глубины и того содержанія, начало которому положилъ Фидій.

Годъ рожденія этого величайшаго изъ греческихъ скульпторовъ точно не извѣстенъ. По словамъ однихъ, онъ родился въ 496 году до Р. Х., по словамъ другихъ въ 500 г. Въ точности извѣстно одно, что онъ родился въ Аѣинахъ, былъ сынъ аѣинскаго гражданина. Отца его звали Хармидъ. Онъ занимался живописью и писалъ очень похожіе портреты. Братья Фидія были тоже художники.

Фидій занимался сначала живописью и началъ даже расписывать храмъ Юпитера олимпійскаго въ Аѣинахъ, но эта работа не была имъ окончена.

Когда Фидію исполнилось двадцать три года, въ Аѣины пріѣхалъ художникъ Полигнотъ; онъ былъ первый, который далъ изображаемымъ имъ лицамъ выраженіе. По словамъ Роншо, Фидій, который былъ въ то время довольно извѣстнымъ художникомъ, при видѣ картинъ упомянутаго живописца, былъ обезкураженъ. Онъ тотчасъ же бросилъ живопись и занялся скульптурой. Сначала онъ поступилъ въ ученики къ Гегію, затѣмъ изъ Аѣинъ переселился въ Аргось, гдѣ Агеладъ и окончилъ его художественное образованіе.

Скульптура, которой онъ отдался со страстію, въ то время была гораздо сложнее, нежели теперь. Она тогда раздѣлялась на три отдѣла: ваяніе въ собственномъ смыслѣ, скульптуру вообще и теорію скульптуры. Каждый этотъ отдѣлъ требовалъ особеннаго изученія. Фидій не обходилъ ни одной изъ этихъ отраслей знанія, хотя не былъ специалистомъ.

„Спеціальность“, какъ говорятъ совершенно справедливо, „монастырь ума“. Такія стѣсненія никогда не были знакомы грекамъ. Второй учитель Фидія, Агеладъ, какъ говорятъ, научилъ его точному и реальному, если только возможно предположить, что на такого генія, какъ Фидій, можно было имѣть вліяніе.

Великій художникъ не замедлилъ освободиться отъ школьных пеленокъ; его геній скоро поставилъ искусство на высочайшую ступень. Его работы, широкія по замыслу, не только передавали натуру, какъ она есть, но передавали и внутреннее содержаніе челоуѣка. Его дѣятельность началась при Кимонѣ, который принялся строить вновь съ большею роскошью разрушенныя персами святилища. Фидій вскорѣ нашелъ себѣ покровителя въ одномъ изъ величайшихъ своихъ современниковъ, Периклѣ, съ котораго онъ, послѣ того какъ долго не брался за кисть, написалъ превосходный портретъ.

Перикль, стремившійся всѣми силами завершить начатое Кимономъ дѣло востановленія Аѣинъ, поручилъ Фидію, такъ какъ онъ былъ также архитекторомъ, слѣдить за всѣми публичными работами.

Трудомъ лучшей поры его жизни—былъ Парѣенонъ.

Къ его первымъ скульптурнымъ работамъ относятся „Минерву—воительницу“, воздвигнутую въ Акрополѣ, въ память битвы персовъ при Мараѣонѣ. Къ этому же времени относится бронзовая группа изъ тринадцати статуй, изображающая Милтіада, окруженнаго Минервою, Аполлономъ и десятью героями, представляющими десять аѣинскихъ племенъ. Эта группа была принесена аѣинянами въ даръ Дельфійскому храму.

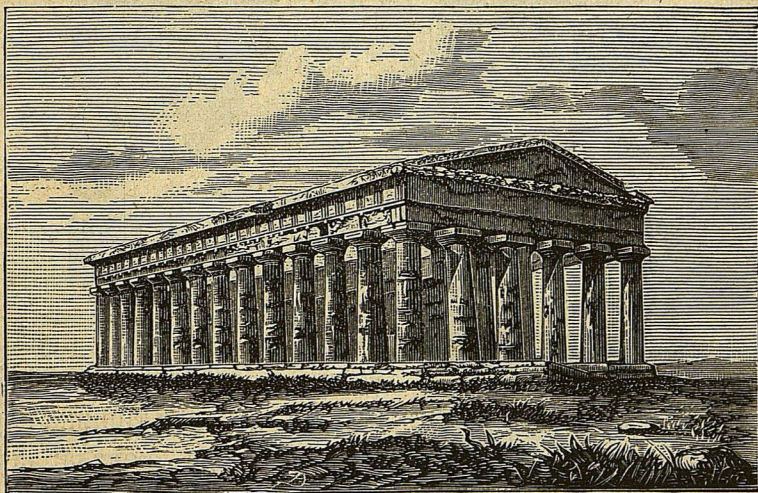
Послѣ этого слѣдуетъ пѣлый рядъ колоссальныхъ статуй покровительницы Аѣинъ. Замѣчательнѣе всѣхъ колоссальныхъ работъ была „Аѣина—дѣва“, изваянная изъ золота и слоновой кости. Эта статуя должна была украсить храмъ Аѣины—Парѣенонъ. Голова богини отличалась строгою и величественною красотою; золотой шлемъ, ее покрывавшій, былъ

украшенъ спереди сфинксомъ, а по сторонамъ грифонами. Остальныя части вооруженія были также богато изукрашены; на внутренней сторонѣ щита была изображена битва боговъ и гигантовъ, а на внѣшней — битва амазонокъ, въ которой Фидій помѣстилъ свое изображеніе и Перикла. Статуя эта стояла во всей своей красотѣ до конца четвертаго столѣтія нашего лѣтосчисленія. Затѣмъ она безслѣдно исчезла.

Окончивъ эту геніальную статую, Фидій на 63 году жизни отправился въ сопровожденіи множества учениковъ въ Элиду, куда былъ приглашенъ для украшенія храма Зевса въ Олимпіи. Жители Элиды приняли знаменитаго ваятеля съ величайшими почестями и построили ему около храма мастерскую.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Голивірова.

ЗАКОЛДОВАННОЕ ОЗЕРО.

Легенда.

НА ДНЯХЪ сидѣла я на скамейкѣ у самого озера. Вечерѣло, и глубокая тишина царила вокругъ. Вода дремала; небо и земля тоже готовились ко сну.

Вдругъ слышу позади себя кашель. Оборачиваюсь—никого! Встала, прошла нѣсколько шаговъ, вижу старикъ лежитъ на травѣ и курить трубку. Онъ мнѣ „Grüss Gott“! Я ему въ

отвѣтъ то же самое, и, обмѣнявшись привѣтствіями, мы разговорились.

— Хорошо у васъ здѣсь, начала я;—тихо, спокойно; озеро точно прудъ, а между тѣмъ, оно, говорятъ, очень глубокое, правда это?

— Правда, сударыня; я разъ самъ чуть было не измѣрилъ его, да Богъ спасъ, отвѣчалъ старикъ.

— Какимъ это образомъ?

— Долго рассказывать, сударыня.

— Ничего, расскажите, пожалуйста, но прежде сядьте-ка вотъ здѣсь, на скамейку.

Увидя меня, онъ поднялся съ травы и стоялъ передо мной безъ шляпы. Голова совсѣмъ безъ волосъ,—ему казалось лѣтъ семьдесятъ.

— Да надѣньте шляпу, продолжала я,—становится сыро; я тоже накину платокъ.

Сѣли мы рядомъ.

— И зачѣмъ вамъ, сударыня, со мной разговаривать? усмѣхнулся онъ,—экія вы любопытныя какія!

— Правда, я очень любопытна, но вѣдь всѣ женщины любопытны,—противъ этого ничего не подѣлаешь. Ну, рассказывайте же, я васъ слушаю.

— Да вотъ, былъ со мной такой случай, что я безъ бури, безъ вѣтру, чуть была на днѣ озера не очутился, и лодка едва въ дребезги не разбилась, и самъ насилу спасся, началъ онъ и снова усмѣхнулся, искоса поглядывая на меня.

— Ты, можетъ быть, выпивши былъ, голубчикъ, мелькнуло у меня въ головѣ.

Но выговорить вслухъ это предположеніе я не рѣшилась: бѣлая борода придавала моему собесѣднику такой почтенный видъ. А онъ, между тѣмъ, продолжалъ, помолчавъ немного.

— Вы вотъ, сударыня, меня не знаете, а я здѣшній портной, зовутъ меня Петеръ и работаю я по большей части на стариковъ; молодые то все больше въ городъ покупаютъ,—

тамъ моднѣе. Но у меня и безъ нихъ работы достаточно: народъ у насъ подолгу живетъ, я многихъ знаю старше себя, да вотъ, напримѣръ, мельникъ вонъ тамъ, на Карбакѣ...

Онъ указаль рукой на противоположный берегъ озера.

— Онъ лѣтъ на десять старше меня будетъ, а посмотрите-ка какъ бодро ходитъ! Изъ за его то праздничнаго платья я чуть было и не утонулъ.

— Неужели?

— Истинно такъ. Случилось это передъ Рождествомъ. Сами чай знаете, какое множество народу стекается со всѣхъ сторонъ сюда по праздникамъ? Всѣ домики, что разбросаны кругомъ по горамъ, принадлежать къ здѣшнему приходу. Ну, вотъ случилось такъ, что я далъ слово моему пріятелю, мельнику, передѣлать ему за ново старое платье къ празднику; а чтобъ онъ могъ надѣть его ночью въ церковь, я привезъ ему его наканунѣ днемъ. Переѣхаль я озеро, какъ всегда, въ лодкѣ; погода была тихая, точъ въ точъ какъ сегодня; доѣхаль я очень скоро,—вотъ вѣдь мельница, снова указаль онъ на строеніе, возвышавшееся на противоположномъ берегу. Заплатили мнѣ тамъ по счету, покормили, все какъ слѣдуетъ, а за кружкой пива мы съ кумомъ (онъ мнѣ кумъ) такъ заболтались о томъ о семъ, что не замѣтили какъ время шло. Вспомнилъ я, что старуха наказывала мнѣ раньше вернуться (ей деньги были нужны на провизію къ празднику) и сталъ домой собираться. А кумъ-то мнѣ говорить: „куда ты, останься лучше у насъ;—вмѣстѣ въ церковь поѣдемъ.“— „Никакъ нельзя“, говорю, „старуха моя такъ разворчитъ, что намъ и праздникъ будетъ не въ праздникъ“... Что вы смѣетесь, сударыня? продолжалъ онъ, замѣтивъ мою улыбку; въ то время моя старуха была презлющая, но теперь все это съ нея точно рукой сняло: недаромъ говорится, что нѣтъ худа безъ добра.

— Да чтожъ такое случилось съ вами?

— А вотъ увидите. Сталь я въ свою плоту *), заку-

*) „Плота“ плоскодонная, длинная лодка, въ которой гребутъ стоя.

рилъ трубку и поѣхалъ. Только странно мнѣ показалось—берегъ какъ будто отодвигался и по мѣрѣ того какъ я гребъ къ нему, онъ уходилъ отъ меня все дальше и дальше. Вѣтру нѣтъ; озеро точно зеркало;—гребу и гребу и все точно ни съ мѣста. Часъ пятый былъ, не больше, но зимой у насъ солнце рано скрывается и отъ горъ спускаются тѣни на воду, а тутъ еще вродѣ какъ дымъ какой-то началъ разстилаться между берегомъ и мной...

— Туманъ? замѣтила я.

— Какой тамъ туманъ! Туманы то намъ не въ диковинку, и никогда не длятся они болѣе двухъ трехъ часовъ, даже среди зимы. Тутъ же... да дайте срокъ, я дойду и до этого. Сначала я все смотрѣлъ на нашу колокольню и направлялъ лодку прямо на нее, покрайней мѣрѣ такъ казалось, но, должно быть, теченіе незамѣтно повернуло ее, и вдругъ, колокольня скрылась у меня изъ виду, ну, вотъ точно занавѣсъ передъ нею опустился. Я все гребу, а берега нѣтъ, какъ нѣтъ,—что за диво! Стемнѣло такъ, что ужъ ровно ничего не видать... А въ нашей мѣстности, въ ночь передъ Рождествомъ повсюду огни горятъ; колокола звонятъ; весь народъ спѣшитъ въ церковь... Я же точно въ пустынь какой очутился, даже жутко стало. Вспомнилась и старуха;—то-то, думаю, бранится, на чемъ свѣтъ стоитъ! Очень нужно было у мельника засиживаться!—а ужъ опоздалъ, такъ лучше бы переночевать у него: все равно—семь бѣдъ одинъ отвѣтъ.

Дрожъ начала меня пробирать, не столько отъ холоду, сколько отъ сырости: такъ насквозь и пронизывало... Усталъ я грести стоя, сѣлъ. Хотя бы огонекъ какой на берегу разглядѣть, думаю, хотя бы звукъ какой услышать! Ничего: точно все умерло вокругъ меня, черно и тихо какъ въ могилѣ. Вдругъ, раздались вдали голоса, нѣсколько разомъ, и какой-то огонекъ мелькая приближается... Что это? Берегъ или лодка съ людьми? Закричалъ я, то есть хотѣлъ закричать, но въ горлѣ такъ сперло, отъ страху ли или отъ сырости, ужъ не знаю право, что ни единого звука изъ него

не вылетѣло. Схватилъ весло, сталъ грести въ ихъ сторону, а свѣтъ вдругъ и пропади, ну—вотъ точно кто свѣчку задулъ—голоса тоже смолкли. Тутъ ужъ ясно мнѣ стало, что мимо меня проѣхала лодка съ фонарями, да меня то никто не замѣтилъ, вотъ въ чемъ бѣда. Что было дѣлать? Провести ночь на озерѣ, благо тихо и вѣтру нѣтъ? Авось къ утру туманъ разсѣется! Я прибралъ весла, улегся на дно, накрылся курткой и заснулъ—больше отъ усталости: грести такъ долго для меня дѣло непривычное.

Сколько времени проспалъ я—не знаю, но меня разбудилъ толчокъ въ лодку, не то чтобъ очень сильный, а все же чувствительный. Вскочилъ и вижу, что лодка моя такъ наклонилась на бокъ, что я того и гляди вывалюсь изъ нея въ воду. Занималась зоря и сквозь туманъ можно было различить нѣчто вродѣ стѣны. Носъ лодки завязъ въ какихъ-то кустахъ. Я опустилъ весло и тотчасъ же ощупалъ дно; не глубоко,—значить берегъ, но какой? Вы знаете, сударыня,—наше озеро не изъ маленькихъ: ужъ пароходъ на что скоро идетъ, да и тому надо полтора часа, чтобы пройти черезъ всю его длину, а у подножія Траунштейна *) скалы совершенно отвѣсно спускаются къ водѣ, такъ что причалить къ берегу нѣтъ никакой возможности: дорогъ тамъ никакихъ не могутъ продѣлать. Въ иныхъ мѣстахъ остановиться пожалуй можно, да что толку то?—дальше двухъ-трехъ шаговъ идти не куда: съ одной стороны вода, а съ другихъ трехъ сторонъ—голыя скалы. Я именно въ такой-то уголь и попалъ и, будь только вѣтрено, не сдобровать бы моей лодкѣ,—прибой тамъ ужасно силенъ въ бурю. Однако, я не сразу это понялъ, да и не сразу могъ выбраться изъ лодки, до того окоченѣлъ весь, но какъ ступилъ я, наконецъ, на твердую землю, да увидалъ куда меня занесло, такъ даже руками всплеснулъ отъ изумленія! Я былъ гораздо дальше отъ дома чѣмъ накануне, а какъ добраться до него назадъ?

*) Самая высокая гора въ той мѣстности.

Туманъ все больше и больше сгущался; правда, что откуда-то сверху мерцалъ блѣдный свѣтъ, но удастся ли ему разсѣять густыя испаренія, носившіяся надъ водой—трудно было предвидѣть. Я началъ чувствовать голодъ. Къ счастью въ карманѣ оказалась корка хлѣба; съѣлъ я ее и пріободрился немного. Чтожь, думаю, если повернуться спиной къ Траунштейну и грести все впередъ—непремѣнно куда нибудь доѣдешь...

— А развѣ солнце еще не показывалось? спросила я.

— Какое у насъ зимой солнце, сударыня! Вонъ, теперь мѣсяцъ выплылъ изъ за горъ, такъ свѣтъ отъ него много ярче, чѣмъ отъ нашего солнца въ декабрѣ. Да и будь оно даже такое, какъ и въ другихъ земляхъ, гдѣ горъ нѣтъ (я самъ хоть и не видѣлъ, но слыхалъ, что есть такія мѣста), такъ все же такой туманъ какое угодно солнце затмитъ. Отпихнулъ я лодку и поплылъ стараясь придерживаться одного направленія, но должно быть ошибся маленько въ расчетъ и, самъ того не замѣчая, свернулъ слишкомъ влѣво, потому что часа два сряду гребу и все никуда не доѣзжаю, и вокругъ меня все тоже—вода да туманъ, туманъ да вода. Нѣтъ, думаю, видно мнѣ суждено на озерѣ ждать, пока туманъ не разсѣется: въ такую погоду ни до какого жилья не доберешся!

Сталъ я приходить въ отчаянье, да къ счастью ощупалъ трубку въ карманѣ... Это у меня, сударыня, первое средство отъ всѣхъ горестей и печалей: какъ только что непріятное случится—старуха ли разворчится, деньги ли всѣ выйдутъ, сынъ ли что накуралесить, мало ли что въ жизни бываетъ—сейчасъ закурю трубку и легче станетъ. Такъ и тутъ. Сижу и курю, а плота моя лежитъ на водѣ, какъ будто неподвижно, но я знаю, что ее куда-то несетъ и мнѣ ужъ почти все равно, куда именно. Если опять къ Траунштейну, ну, и пусть ее,—отпихнуся какъ нибудь, да вдоль берега поползу.

— Почему вы раньше не поѣхали по тому направленію?

спросилъ я.—Вѣдь такимъ образомъ вы непременно рано или поздно достигли бы до Гмундена *), а тамъ бы нашли людей, отогрѣлись бы, покрайней мѣрѣ?

— Опасно, сударыня: вдоль того берега такіе подводные камни, что лодку какъ разъ въ щепы разнесетъ, особенно въ такую темень, что зги Божіей не видать. Да и могли я предполагать, что туманъ такъ долго продержится?

— Чтожь вы стали дѣлать?

— Да ничего; сию себѣ, курю и думаю: вотъ теперь у всѣхъ столы накрыты, кушаньевъ вкусныхъ настряпано много, а у насъ въ домѣ дымъ коромысломъ изъ за меня... Старуха, поди чай, ужъ и злиться перестала, плачетъ теперь, а сынъ ушелъ меня искать... Чего добраго, можетъ быть гдѣ нибудь здѣсь по близости копошится, а я ничего не вижу! Послѣ обѣда всѣ сосѣди сойдутся къ намъ; пойдутъ толки да догадки, гдѣ я, куда пропалъ? Мельникъ станетъ рассказывать, какъ онъ меня удерживалъ и какъ я, дуракъ старый, не хотѣлъ его слушать, стало быть подѣломъ мнѣ... а старуха моя накинется на него, зачѣмъ меня пивомъ поилъ, зачѣмъ не отпустилъ до тумана. Все это я вижу и слышу такъ ясно, ну, вотъ точно и самъ между ними. Однако, не закричать ли еще? думаю, можетъ и услышатъ. Крикнулъ. Эхо откликнулось три раза. Эге! сообразилъ я, такъ вотъ я гдѣ! Дѣло въ томъ, что на нашемъ озерѣ въ одномъ только мѣстѣ отголосокъ такъ звонокъ и такъ часть—близъ этого мѣста нѣтъ деревни, но причалить къ берегу можно, а тамъ дойти пѣшкомъ до Алтмюнстера **) никто не мѣшаетъ. Отчего не попытаться? Крикнулъ опять, эхо снова заворило. Я опять за весла. Теперь ужъ, думаю, не выпущу ихъ изъ рукъ, пока не доѣду до берега. И сталъ ими такъ работать, какъ будто гнался за призомъ на гонкѣ. Вдругъ, что-то черное показалось въ туманѣ, не то домъ, не то дерево.

*) Городокъ на самомъ концѣ озера.

**) Другой городокъ на противоположномъ берегу.

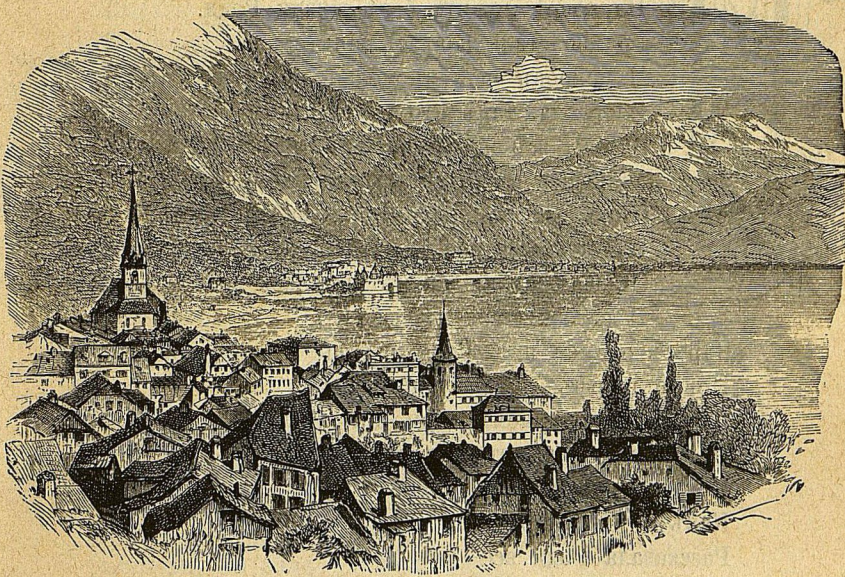
— Тутъ ужъ я не на шутку струсиль. Ну, думаю, съ нами крестная сила! Вѣдь это, поди-чай, „монастырскій утопленникъ“ надо мной потѣшается!.. Вѣдь вы знаете про него?

— Да, мнѣ недавно рассказывали.

— Эта легенда здѣсь каждому малому ребенку извѣстна, но такъ какъ мои юные русскіе читатели ее не знаютъ, то я и расскажу имъ въ краткихъ словахъ исторію несчастнаго рыцаря озера, извѣстнаго подъ прозвищемъ „монастырскаго утопленника“.

Nonso.

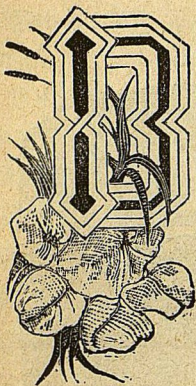
(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

Р О Д Я.

(Новогреческая народная сказка).

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

ОТЪ домоѣ вернулась фея. Видить,—
На коврѣ лежитъ безъ жизни Родя.
Громко стала плакать Никтерида,
И покровъ свой въ мелкіе кусочки
Изорвала, такъ что разлетѣлись
Звѣзды всѣ по комнатѣ, инья-жъ
Унеслись въ открытое окошко,—
(Вотъ отсюда „падающихъ звѣздъ“ имъ
И дано названье И затѣмъ на дочку
Съ горькимъ плачемъ кинулася фея
И ее безсчетно цѣловала.

Вдругъ она на шеѣ Роди видитъ
Новый шарфъ—и сразу догадалась,
Что сидятъ въ немъ чары. Развязала—
И пропало колдовство въ минуту,
И опять живою стала Родя.
Какъ онѣ обрадовались обѣ!
Разказала Родя все—откуда
Этотъ шарфъ достался ей, но злого
На сестеръ ни на устахъ, ни въ мысляхъ
Ничего у ней не шевелилось,
И когда волшебница велѣла,
Чтобъ впередъ безъ ней не смѣла Родя
Ни души, будь даже самъ священникъ,

Во дворецъ не пропускать, ей стало
Тяжело и больно...

Сестры снова

Обратились къ солнышку съ вопросомъ
И отвѣтъ все тотъ же получили.
Вновь онѣ идутъ къ чертогамъ феи
И стучатся. Но послушна Родя
Материнской волѣ и не смѣетъ
Ихъ впустить, какъ это ей ни грустно,
И сказали сестры: „посмотри-ка,
Принесли какихъ тебѣ мы лакомствъ—
Пирожковъ изъ имбиря и ягодъ.
Если насъ впустить ты не желаешь,
Такъ спусти снурочекъ изъ окошка,—
Мы къ нему корзиночку подвяжемъ“.
Родя такъ и сдѣлала. Но въ этихъ
Пирожкахъ и лакомствахъ такое-жъ
Колдовство недоброе: чуть Родя
Въ ротъ взяла леденчикъ—снова мертвой
На коверъ упала.

Никтерида,

Воротаясь, опять ее безъ жизни
Тутъ нашла и сразу догадалась,
Что ее сгубили злыя сестры;
Какъ она однако ни искала,
А найти, въ чемъ колдовство засѣло,
Въ этотъ разъ не удалось, и Родя
Мертвой такъ, бѣдняжка, и осталась.

Но рѣшиться снести ее въ могилу
Не могла волшебница: пожалуй,
Кто нибудь найдетъся поумнѣе
И съ умершей сниметъ злыя чары!
Заказала гробъ она литого
Серебра, въ немъ уложила Родю,
Нарядивши въ драгоцѣнный бархатъ,
Разукрасивъ тысячью брильянтовъ;
Привязали гробъ къ лошаdkѣ умной—
И помчалась по свѣту лошадка.

Но теперь оставимъ фею съ Родей
И за сына царскаго возьмемся.

Это былъ красавецъ первый въ свѣтѣ:
На плечахъ носилъ онъ май прекрасный,
На груди—весну. Глаза горѣли
Ярче звѣздъ, и брови отливали
Какъ крыло воронье. И въ добавокъ
Былъ онъ такъ силенъ, что всѣхъ драконовъ
Одолѣлъ, и ужъ давно родитель
Отдалъ тронъ ему. И вотъ однажды,
На охотѣ, видитъ королевичъ—
По степи бѣжитъ лошадка съ гробомъ
На спинѣ. Тотчасъ ее поймали—
И къ нему. Открылъ онъ крышку гроба—
Передъ нимъ красавица такая,
Что другой и не отыщешь въ свѣтѣ.
И тотчасъ влюбился королевичъ—
Такъ влюбился, что забылъ и пищу,
И питье, и сонъ,—и дни, и ночи,
Запершись въ своихъ покояхъ, только
Все сидѣлъ у гроба мертвой Роды.
А она не измѣнилась вовсе:
Тотъ же цвѣтъ румяный, та же свѣжесть,
Только нѣтъ движенія и жизни.
Захирѣлъ нашъ королевичъ, точно
Яблоко увянувшее; держать
Голову обѣими руками—
Какъ лежитъ засохшее растенье
Межъ своими желтыми листьями.
Ни душа войти къ нему не смѣетъ,
Никуда и самъ онъ не выходитъ,
Всѣ дѣла онъ въ государствѣ бросилъ,
Такъ что всѣмъ разбойникамъ и клефтамъ
Волю далъ, и съ этихъ поръ не могъ бы
Ужъ никто за жизнь свою ручаться.
Это все кручинило жестоко
Королеву мать,—но попытаться,
Отчего случилось это съ сыномъ,
Не могла она. Но вотъ однажды
Королевичъ изъ своихъ покоевъ
На минуту вышелъ. Мать вбѣжала—
Передъ нею гробъ, и въ гробѣ Роды,—

Какъ живая, что уснула только.
Тутъ сперва старуха изумилась,
Красоту увидѣвши такую,
А потомъ жестоко осерчала,
Что мертвецъ у ней и у народа
Отымаетъ сына,—осерчала
И схватяла за волосы Родю,
Чтобъ ее вонъ вытащить изъ гроба,
И при этомъ мертвую тряхнула
Сильно такъ, что изо рта у Роды
Выпалъ заколдованный леденчикъ—
И тотчасъ живою стала Родя.

Испугалась, увидавши это,
Королева,—послѣ зарыдала,
И пѣлуетъ Родю крѣпко-крѣпко,
И клянется, что иной дѣвицѣ
Никогда не быть женою сына.
Тутъ и самъ вернулся королевичъ:
Ошалѣлъ совсѣмъ онъ отъ восторга.—
И недѣли не прошло, сыграли
Во дворцѣ они на диво свадьбу:
Весь народъ къ себѣ на пиръ позвали.
Сорокъ день и сорокъ ночекъ длилось
Пированье, и такую свадьбу
Не видалъ еще никто на свѣтѣ.

Петръ Вейнбергъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

ДЕРЕВЕНСКИЙ СВЯЩЕННИКЪ.

II.

ОЛЖНО быть, у нашей Милицы идутъ зубы, сказала на другой день Жанна, жена викарія;— посмотри какой у нея жаръ;— боюсь, не опасна ли она.

— Жизнь наша въ рукахъ Божиихъ, отвѣчалъ онъ.

Къ вечеру малюткѣ стало хужѣ: она кричала безъ умолка. Слѣдующій день былъ воскресенье. Викарій долженъ былъ говорить проповѣдь, — надобно было приготовиться. Дома ему мѣшала больная малютка, поэтому онъ ушелъ въ церковь, гдѣ въ ризницѣ Жоржъ затопилъ ему маленькую печь, и онъ принялся тамъ за свою проповѣдь.

Время шло, такъ быстро, что онъ и не слышалъ, какъ церковные часы пробили полночь.

Догоравшая свѣча и холодъ напомнили викарію, что время возвращаться домой. Онъ всталъ и только что хотѣлъ идти, какъ услышалъ сильный шумъ. Вѣроятно, пришли за мною, подумалъ онъ.

— А, можетъ, воры. — При этой мысли онъ быстро схватилъ свѣчу и со словами: „Кто здѣсь?“ смѣло направился въ обширную церковь.

Три человѣка съ суровыми лицами выступили къ нему на встрѣчу и, смѣясь, сказали:

— Господинъ пасторъ, мы днемъ не успѣли посѣтить вашу церковь, вотъ и явились ночью, чтобы осмотрѣть ее и освободить отъ излишнихъ сокровищъ.

— Быть можетъ и у васъ кой-что найдется, прибавилъ одинъ изъ нихъ.

— У меня нѣтъ ни золота, ни серебра, отвѣчалъ викарій спокойно; кромѣ слова Божія, которое говоритъ: воры не унаслѣдуютъ Царства небеснаго.

— Это мы знаемъ, господинъ пасторъ, возразилъ другой насмѣшливо, но какъ же это? вы самый богатый изъ приходскихъ пасторовъ, а у васъ при себѣ нѣтъ ни шиллинга?!

— Я только приходскій викарій, отвѣчалъ викарій.

— Очень жаль! воскликнули воры—въ такомъ случаѣ мы будемъ продолжать нашъ осмотръ.

— Паткинсъ! притащи веревку отъ колокола.

Викарій помолился Богу и спокойно ожидалъ своей участи!

Воры подвели его къ подножью кафедры и, крѣпко связавши по рукамъ и по ногамъ, привязали къ ней.

— Вы, разумѣется, избавите насъ отъ труда затыкать вамъ ротъ, господинъ викарій?

— Лежите смирно, и мы не тронемъ ни одного волоска на вашей головѣ.

Связанный викарій поневолѣ недвижимо смотрѣлъ, какъ воры сняли покровы съ алтаря и забрали священные серебряные сосуды. — Онъ только въ полголоса говорилъ: Господи! помоги этимъ несчастнымъ сознать свое преступленіе и покаяться.

— Шлапсъ! сказалъ Паткинсъ, что стоишь, разиня ротъ? Пойдемъ;—здѣсь больше нечего дѣлать.

Воры удалились. Свѣча догорѣла. Въ церкви было холодно. Лежа недвижимо, викарій думалъ о больной Мили, о семьѣ, о своей трудномъ положеніи и громко молился; эхо повторяло слова его въ сводахъ обширной церкви. Молитва

его прерывалась сильнымъ вѣтромъ, отъ котораго вздрагивали высокія окна, трещали старыя деревянныя стѣны и, отрываясь, падала известка. Часы тянулись безконечно; холодъ въ церкви увеличивался.

Связанныя руки и ноги викарія сильно болѣли; лихорадочная дрожь пробѣгала по тѣлу, и онъ потерялъ сознаніе. Послышавшіеся вдали голоса привели его въ себя. Открывши утомленные глаза, онъ увидалъ мерцавшій въ темной церкви огонекъ и дѣтей своихъ.

— Сюда, дѣти, сюда! воскликнулъ викарій.

Трое старшихъ дѣтей окружили его и, увидавши, что онъ связанъ, громко зарыдали. „Бѣдный батюшка, что это случилось съ тобой? говорили они разомъ, развязывая веревки; что будетъ съ мамой, когда она объ этомъ узнаетъ?

Лучше не говорите ей ничего. Что наша маленькая Мили?

— Она спала, когда мама послала насъ за тобой, отвѣчали дѣти. Мама безпокоилась о тебѣ.

— Теперь, дѣти, сказалъ отецъ, ступайте домой и успокойте мать. А я пойду сообщить пастору о покражѣ.

— Позволь мнѣ идти съ тобой, сказалъ Жоржъ: боюсь чтобы опять чего не случилось съ тобою, — ты ослабѣлъ. Отецъ согласился, и они вдвоемъ отправились, а дѣвочки пошли домой.

Узнавъ о покражѣ, пасторъ сильно разсердился, разбранилъ викарія и его одного обвинилъ въ случившемся.

— Еслибы вы не вздумали, кричалъ онъ, устроить себѣ кабинетъ въ ризницѣ, такъ мошенникамъ и въ голову не пришло бы ограбить Святыню Господню. Не увидавши свѣта въ церкви, они не совершили бы этого преступленія. Потеря простирается отъ двѣнадцати до пятнадцати фунтовъ стерлинговъ и, конечно, вы одни за все отвѣтите. Я буду вычитать эту сумму изъ вашего жалованья, и благодарите, что не заставляю васъ уплатить все разомъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ прійдется умереть съ голоду вмѣстѣ съ моей семьей, сказалъ викарій.

— А гдѣ же ваше упованіе на Бога, которымъ вы всегда гордитесь? спросилъ пасторъ.

— Вы правы, съ твердостью возразилъ викарій. Я сказалъ необдуманно. Духъ бодръ, но плоть немощна. Господь не оставитъ меня. Дѣлайте такъ, какъ велитъ вамъ совѣсть. И поклонившись, удалился съ сыномъ.

Суровый пасторъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ и проворчалъ: я укрошу тебя!

III.

Искушеніе.

Возвратясь домой, викарій ни слова не сказалъ женѣ и грустный легъ на свою кровать, чтобы отдохнуть немного.

Больная малютка чувствовала себя все хуже и хуже. Когда церковный колоколъ призвалъ уставшаго викарія въ церковь, дѣвочка кончалась.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ оставилъ онъ свою семью, предоставляя Мили покровительству Небеснаго отца и озабоченной матери.

Взойдя на кафедру, подъ впечатлѣніемъ тревожно проведенной ночи, онъ началъ говорить проповѣдь о добромъ пастырѣ. Съ жаромъ объяснялъ онъ обязанности добраго пастыря, неутомимая дѣятельность котораго должна быть въ томъ, чтобы обращать на путь истинный даже заблуждающихся, и въ концѣ рѣчи, прибавилъ: въ прошлую ночь въ этой церкви было совершено страшное преступленіе, за тѣмъ рассказалъ случившееся съ нимъ.

— Вы понимаете, продолжалъ онъ, что Бога они обокрасть не могли: золото, серебро, жемчугъ, драгоценные камни для него не имѣютъ никакого значенія. Они, вмѣстѣ съ церковью, ограбили и меня, смиреннаго отца семейства, а себя лишаютъ царства небеснаго. Помолитесь Господу, чтобы онъ сжалился

надъ заблуждающимся и возвратилъ ихъ вѣчному пастырю—Христу. Помолитесь также и объ отцѣ, глубоко опечалѣнномъ болѣзнью дочери. Горячо молились прихожане вмѣстѣ со своимъ любимымъ пастыремъ.

Сопровождаемый благословеніями, викарій вышелъ изъ церкви и возвратился домой успокоеннымъ. Мили недвижимо лежала въ своей кроваткѣ. Увидавши заплаканные глаза окружающихъ, онъ понялъ, что дѣвочка скончалась. Тихо, съ молитвой, опустился онъ передъ постелькой на колѣни, потомъ, обратясь къ огорченной семьѣ своей, сказалъ:

— Не плачьте, милые, Господь избавилъ ее отъ земныхъ страданій и трудовъ. Она встрѣтитъ насъ въ странѣ блаженства, преображенная въ свѣтлаго ангела. Милая моя, прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ, вѣдь мы бы радовались, еслибы какая нибудь знатная дама взяла одну изъ нашихъ дочерей къ себѣ, какъ своего ребенка? А теперь наша Мили дитя Божіе.

— Боже мой! говорила маленькая Лиза, поглаживая холодную ручку умершей малютки, наша Мили холодна, какъ тотъ бѣдный заяцъ, котораго приносилъ Жоржъ.

— Можно ли, воскликнула вспыхнувъ Элеонора, сравнивать нашу милую Мили съ какимъ то зайцемъ.

— Не браните ее, спокойно проговорилъ викарій, а поймите лучше, какое счастье быть человѣкомъ. Ему одному изъ безчисленныхъ миллионовъ существъ дано познать вѣчную жизнь.

Отецъ и мать вмѣстѣ съ дѣтьми долго стояли около кровати умершей любимицы, какъ бы желая тверже запечатлѣть въ своей памяти ея личико, прежде нежели опустить ее въ могилу.

— Въ такое короткое время рушилось это прекрасное созданіе! со слезами сказалъ викарій, а, какъ еще недавно лепеталъ этотъ маленькій ротикъ, когда я возвращался домой, и какъ радостно хлопали эти крошечныя рученки.

— Не говори такъ: мнѣ тяжело, грустно сказала мать;

намъ надобно еще позаботиться о гробикѣ для Мили,—прикажи сдѣлать хорошенькой.

— Милая Жанна, у насъ едва хватитъ денегъ на хлѣбъ и картофель; приходится отказаться отъ хорошенькаго гробика. Дастъ ли еще пасторъ денегъ и на похороны; если откажетъ, придется самому вырыть и могилу для Мили, чтобы не платить могильщику.

— Плотникъ Баклей навѣрное сдѣлаетъ намъ гробикъ въ долгъ, отвѣчала мать; когда же наши обстоятельства поправятся...

— Это отговорка всѣхъ плохихъ должниковъ, отвѣчалъ викарій. А знаешь ли, что мы должны около 15 фунтовъ стерлинговъ заплатить въ этомъ году.

— Боже мой! воскликнула испуганная Жанна;—ничего не слыхала! Кому же и за что должны мы такую большую сумму?

— Мнѣ не хотѣлось говорить тебѣ объ этомъ, сказалъ викарій, но теперь приходится сказать все. Эту сумму мы должны церкви за украденныя драгоценности, которыя я, по рѣшенію пастора, долженъ возвратить.

Жанна печально опустила голову.

— Послушай, милая, продолжалъ викарій. Намъ нельзя дѣлать лишнихъ расходовъ. Мы не должны заказывать дорогого гроба; въ немъ нашей малюткѣ будетъ лежать не покойнѣе, чѣмъ въ нашемъ мучномъ ящикѣ, который можетъ замѣнить его.

— Боже мой! неужели наша Мили должна лежать въ мучномъ ящикѣ? ты говоришь серьезно?

— Конечно, отвѣчалъ викарій. Вѣдь нашей дѣвчкѣ лежать все равно, что въ мучномъ ящикѣ, что въ дорогомъ гробѣ.

— Конечно, отвѣчала мать, но мучной ящикъ!

— Мучной ящикъ то-же, что и обыкновенный гробъ.

Наступилъ вечеръ. Дѣти, простившись съ умершей Мили и съ родителями, удалились въ свою комнатку.

Прежде чѣмъ лечь въ постель, викарій прикрылъ кисѣйнымъ платкомъ лице Мили.

Вскорѣ измученные горемъ родители заснули крѣпкимъ сномъ.

IV.

Посѣщеніе больного.

Въ этотъ же самый вечеръ пасторъ Виквиль обходилъ свое обширное жилище. Онъ осмотрѣлъ каждую дверь, каждый ставень, чтобы убѣдиться, надежны ли они.

Вдругъ ему послышался во дворѣ шумъ.

— Блакерь! крикнулъ онъ сквозь замочную скважину запертой двери, это ты?

— Я сударь, отвѣчалъ слуга.

— Спущены ли собаки?

— Давно спущены.

— Дорого мнѣ стоятъ эти животныя, говорилъ Виквиль своей экономкѣ, но что прикажете дѣлать? Если воры не пощадили дома Божія, пощадятъ ли они меня. Да, милая Марель, мы переживаемъ тяжелыя времена. Поставила ли ты чай въ мою комнату? позаботилась ли о ромѣ? Ну, теперь спите спокойно.

Виквиль поднялся на верхъ, въ свою комнату, и долго прибирая что-то въ своихъ ящикахъ, говорилъ самъ съ собою: „Умный человѣкъ не кладетъ своего имущества въ одномъ мѣстѣ, но благоразумно прячетъ туда, гдѣ всего менѣе воры станутъ искать его. Вѣдь прятали же богатые люди свои гиней и банковые билеты въ старые чулки, разбитые горшки и тому подобное, чтобы не возбуждаетъ жадности воровъ.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ припрятывалъ подальше большіе свертки золота и банковые билеты. Покончивши съ уборкой, онъ съ наслажденіемъ выпилъ чашку чаю съ ромомъ.

Потомъ осмотрѣлъ заряженное двухствольное ружье, стоявшее около его постели, попробовалъ остеръ ли кортикъ, висѣвшій тутъ же, положилъ кинжалъ на ночной столикъ, гдѣ горѣла ночная лампа, и тяжело вздохнувши о возрастающей безсовѣстности воровъ, легъ на свою кровать и крѣпко проспалъ около часа. Вдругъ его пробудилъ пронзительный звонъ колокольчика надъ самымъ ухомъ. Онъ вскочилъ съ испугомъ, въ одну руку схватилъ ружье, въ другую кинжалъ.

На дворѣ громко лаяли бульдоги, въ дверь его комнаты сильно стучали. Дрожа отъ страха, онъ перешелъ въ заднюю комнату.

— Господинъ пасторъ! кричала экономка, внизу кто-то стучится въ оконный ставень и зоветъ васъ къ умирающему.

— Что вы городите? возразилъ Виквиль;—вѣрно воръ хочетъ заманить меня во дворъ. Скажите, что я поручилъ викарію отправлять мою должность. Какъ вы смѣли будить меня изъ-за такихъ пустяковъ?

— Я говорила это, отвѣчала экономка, но онъ и слышать не хочетъ. Кажется, это камердинеръ его сіятельства, лорда Генами.

— Лордъ Генами, проворчалъ съ досадою Виквиль, съ которымъ я третьяго дня былъ на охотѣ? Скверная штука, если мнѣ придется въ такую ночь и такой холодъ ѣхать въ замокъ: до замка будетъ миль шесть отсюда.

Отворивши дверь своей комнаты, онъ спустился внизъ вмѣстѣ съ экономкою; стукъ продолжался безъ перерыва.

— Кто вы такой? что вамъ угодно? крикнулъ пасторъ сквозь запертый оконный ставень.

— Господинъ пасторъ! поспѣшите къ умирающему.

— Кто онъ такой? какъ его зовутъ? Гдѣ онъ живетъ? допрашивалъ Виквиль.

— Это Дудлей, работникъ, живетъ у болота, на мельницѣ.

— Какъ онъ смѣетъ меня тревожить, вкричалъ разсерженный Виквиль; развѣ вы не знаете, что я держу для этого викарія? Ступай къ нему, онъ живетъ въ маленькомъ домикѣ у тростникова пруда. Изволь убираться скорѣе, а не то мои бульдоги укажутъ тебѣ дорогу.

Сказавши это, Виквиль ворча удалился въ свою спальную.

А нарушитель покоя, паренъ лѣтъ 17, поспѣшилъ къ нашему викарію, которому снилась его умершая Мили, какъ разъ въ то время, какъ сильный кулакъ ударилъ въ плохо затворенный оконный ставень.

— Слышишь? сказалъ разбуженный викарій женѣ, умирающій требуетъ утѣшеніе! видишь, смерть заглянула не къ намъ однимъ.

— Но, милый, какъ ты пойдешь въ такую темную ночь, послѣ испуга и горя? Ты себя совсѣмъ не жалѣешь! Вѣдь, у тебя нѣтъ даже и шубы. Право рабочій могъ бы подождать до разсвѣта.

Жанна, сказалъ Мельвинъ, такъ звали викарія, это говоришь не ты, нѣтъ! Я знаю тебя лучше. Развѣ я могу допустить умирающаго отойти безъ утѣшенія? Избави меня Богъ отъ такого страшнаго грѣха. Говоря это, онъ зажегъ свѣчу въ фонарѣ и, обращаясь къ стоящему на дворѣ, сказалъ: „я сейчасъ буду готовъ“; потомъ повязалъ себѣ на уши старый платокъ, надѣлъ шляпу, а на плечи накинулъ шерстяное полупальто.

— Ну вотъ, я и готовъ! Да хранить васъ всѣхъ Богъ, мои милые. Съ этими словами Мельвинъ поспѣшно вышелъ. Сильный вѣтеръ охватилъ легко одѣтаго викарія. Онъ не обращалъ на это вниманія и быстро шелъ за своимъ проводникомъ.

Черезъ полчаса они пришли въ бѣдную хижину. Проводникъ открылъ ветхую дверь; она сильно скрипнула на петляхъ. Глазамъ викарія представилась печальная картина. На бѣдной соломенной постели лежалъ умирающій. Женщина, покрытая лохмотьями, одной рукой поддерживала го-

лову больного, въ другой у нея была горящая лучина, озарявшая всю комнату какимъ то страннымъ свѣтомъ. Глухое, тяжелое дыханіе вырывалось изъ груди его. Увидавши викарія, онъ обратилъ къ нему взглядъ, полный горячей мольбы.

— Миръ да будетъ съ вами, сказалъ викарій голосомъ, внушающимъ довѣріе. Можетъ быть, вы желаете остаться со мною на единѣ?

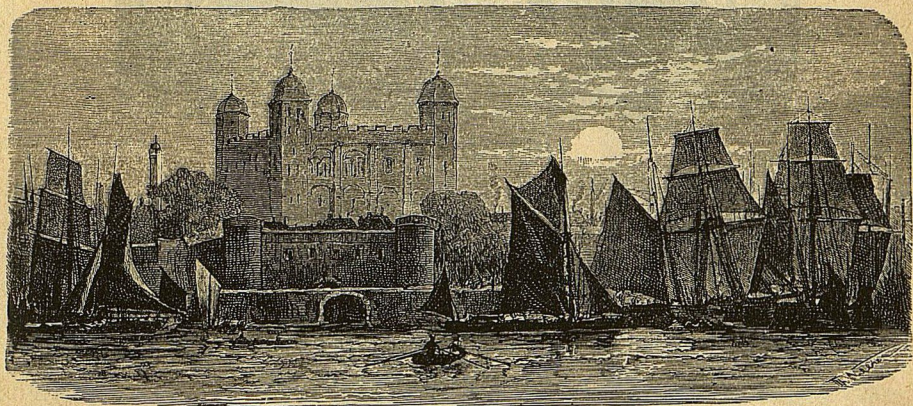
Умиравшій покачалъ головой, „Я великій грѣшникъ! съ усиліемъ едва могъ произнести онъ,—и добавилъ: жена, расскажи все.

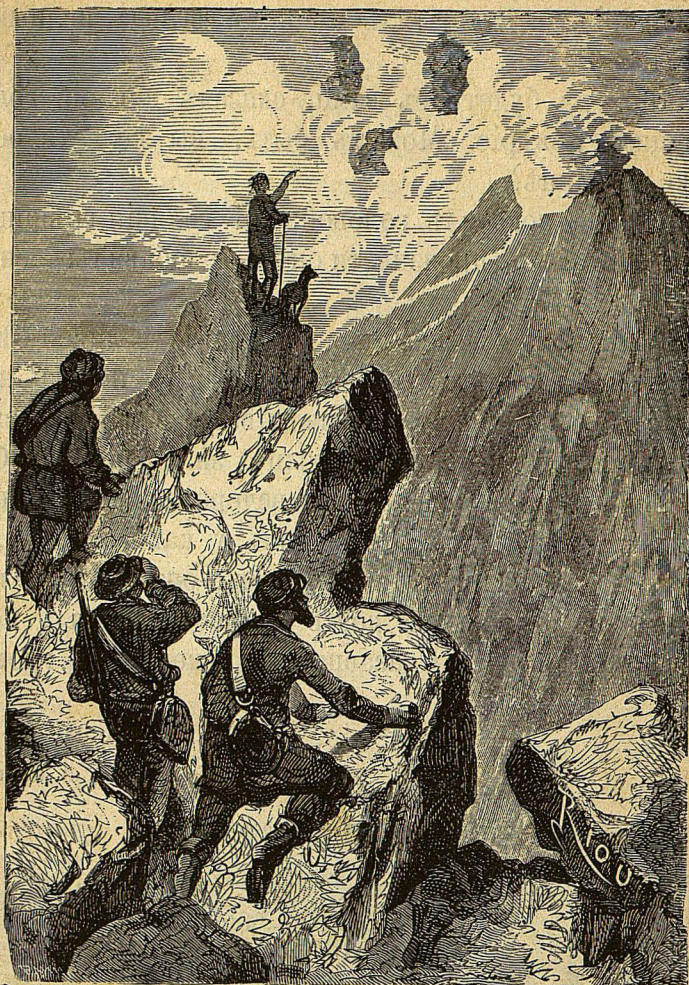
— Мужъ мой, сказала она, вслѣдствіе великой бѣдности нашей, сошелся съ тѣми ворами, которые напали на васъ вчера ночью въ церкви, связали васъ и украли священные сосуды. Охъ! еслибы я раньше знала это, я бы никогда не допустила. Третьяго дня вечеромъ онъ принесъ домой убитаго зайца, котораго отнялъ у какого то мальчика. Вчера, когда мы ѣли его за обѣдомъ, онъ вдругъ вскрикнулъ—подавился костью: кость крѣпко засѣла у него въ горлѣ, и душилъ его. Сказавши это, женщина громко зарыдала.

Р. Ловягина.

Передѣлано съ нѣмецкаго.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

ЧЕРНОГОРЦЫ.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 августа 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.